

Ричард ХААС

Ричард ХААС

Мировой беспорядок

Издательство АСТ
Москва

УДК 327
ББК 66.4
Х12

Серия «Геополитика»

Richard Haass
A WORLD IN DISARRAY

Перевод с английского *В. Желнинова*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Хаас, Ричард.

Х12 **Мировой беспорядок / Ричард Хаас ; [пер. с англ. В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Геополитика).**

ISBN 978-5-17-112883-8

Правила, политика и институты, которыми руководствовались страны после Второй мировой войны, в значительной степени исчерпали себя. Избрание Дональда Трампа и неожиданное голосование за «Брексит» сигнализируют о том, что многие в современных демократиях отвергают важные аспекты глобализации, включая границы, открытые для торговли и иммигрантов. Мир меняется, и эти изменения не в пользу США.

Мировой беспорядок наступает. Но мир не может быть стабильным или процветающим без Соединенных Штатов, однако и США не могут быть сдерживающей силой без обновления своей политики.

Обновление и перезагрузка — единственный путь к устойчивости мировой системы. Таково мнение Ричарда Хааса, которое он обосновывает в своей книге.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-17-112883-8

© Richard Haass, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Моим учителям:
Роберту Тафтсу, Тому Фрэнку, Альберту Хурани,
Аластеру Бьюкену и Майклу Говарду*

Содержание

Введение.	9
-------------------	---

ЧАСТЬ I

1. От войны к мировой войне.	23
2. Холодная война.	41
3. Другой порядок.	58

ЧАСТЬ II

4. Мир после холодной войны	77
5. Глобальный разрыв	101
6. Региональные реалии	148
7. Элементы процесса	191

ЧАСТЬ III

8. Что следует предпринять?	201
9. Вопреки Фукидиду.	205
10. Мировой порядок 2.0.	214
11. Региональные перспективы	243
12. Страна в беспорядке	272
Благодарности.	293
Примечания и библиография.	297

Введение

Двадцать третьего июня 2016 года малым большинством голосов британские граждане, пришедшие на избирательные участки, проголосовали за проведение референдума, на который выносился вопрос об окончании пребывания их страны в составе Европейского союза. Те, кто проголосовал за «Брексит», желали, возможно, выразить таким образом свое разочарование низкими темпами экономического роста, недовольство по поводу иммиграции, страх перед безработицей или досаду на то, что часть их налогов отходит структурам, расположенным в Брюсселе, и зачастую ведущим себя равнодушно по отношению к тем странам, которым свойственно демонстрировать расточительность. Отдельные же избиратели, не исключено, просто хотели зафиксировать свой протест против политиков во главе страны. Каковы бы ни были мотивы, результаты голосования оказались шокирующими — не только для будущего Великобритании и Европы, но также для будущего США и мира в целом.

Если «Брексит» действительно состоится, то, в зависимости от условий реализации, это может привести как к распаду Соединенного королевства, так и к частичному распаду ЕС. Если это случится, исторический проект европейской интеграции, к осуществлению которого приступили после Второй мировой войны — проект, обеспечивший беспрецедентное процветание и стабильность на континенте, прежде терзаемом войнами, — окажется под

угрозой. Также под угрозой окажутся так называемые особые отношения между Соединенными Штатами Америки и Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии, а ведь последнее очень часто выступает ближайшим и важнейшим партнером и союзником США.

Впрочем, даже если «Брексита» или наихудших его последствий так или иначе удастся избежать, тот факт, что подобный референдум прошел в такой стране, как Великобритания, говорит о многом: в мире куда меньше данностей, если угодно, чем многие из нас — фактически большинство из нас — могли предположить. Популизм и национализм сегодня очевидно находятся на подъеме. Мы присутствуем при и наблюдаем воочию широко распространившееся неприятие глобализации и международного сотрудничества, из которого прорастают сомнения в ценности прежних позиций и прежней политики, сомнения в пользе открытости для торговли и пользе иммиграции, а также нежелание хранить верность союзам и международным обязательствам. Эта ситуация никоим образом не ограничивается Великобританией; налицо ее признаки по всей Европе, в самих Соединенных Штатах Америки и почти везде по миру.

Мы очень далеко ушли от оптимизма и уверенности, что, казалось, восторжествовали в мире четверть века назад. Одним из источников такого настроения стало падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года (11/9, кстати!)*; это событие ознаменовало мирное и успешное окончание холодной войны, беспрецедентной схватки между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, в значительной степени определявшей международные отношения на протяжении четырех десятилетий после окончания Второй мировой войны.

* Отсылка к терактам 11 сентября 2001 года, которые в литературе и СМИ часто упоминаются как «события 9/11»). — *Здесь и далее примеч. ред.*

Менее чем через год за этим финалом мы восторгались замечательным объединением усилий всего мира во имя того, чтобы помешать Саддаму Хусейну покорить Кувейт (это завоевание, если бы мы его допустили, имело бы грандиозные последствия для мирового сообщества). Администрация Джорджа Герберта Уокера Буша, сорок первого президента США, воспринимала действия Ирака и возможные последствия этих действий не только в контексте, так сказать, локальных конфликтов, но и более широко, исторически, как начало эры «после холодной войны». Президент и его окружение (включая меня, в то время занимавшего пост специального помощника президента и старшего советника по Ближнему Востоку, Персидскому заливу и Юго-Восточной Азии в составе Совета национальной безопасности) рассматривали вторжение Ирака в Кувейт как прецедент, который вполне способен задать характер новой геополитической эпохи. В зависимости от того, какова будет реакция на агрессию Саддама и боевые действия, мир «после холодной войны» мог превратиться в новый международный порядок — или беспорядок, причем в глобальных масштабах.

В итоге США, по причинам как локальным, так и глобальным, как прямым, так и косвенным, сделали то, что они сделали, и именно так, как сделали. В этой операции Соединенные Штаты Америки тесно сотрудничали с четырнадцатью другими членами Совета безопасности Организации Объединенных Наций ради принуждения Ирака к отказу от агрессии и введения и последующего обеспечения соблюдения режима санкций, призванного гарантировать, что Ирак не просто не сумеет извлечь выгоду из своих завоеваний, но заплатить за агрессию высокую цену. Чтобы Ирак не зарился на Саудовскую Аравию и чтобы, когда дипломатия, подкрепленная санкциями, не смогла заставить Ирак покинуть эту страну и восстановить независимость и правительство Кувейта, была

создана большая коалиция из десятков стран, каждая из которых вносила свой вклад в общее дело¹.

Эта политика в значительной мере увенчалась успехом, и президент Буш, а также его советник по национальной безопасности Brent Скоукрофт публично выражали надежду на то, что коллективные усилия по усмирению иракской агрессии и восстановлению суверенитета Кувейта создадут прецедент для последующих действий. Президент особо подчеркнул эту надежду в своем выступлении в сентябре 1990 года на совместном заседании палат Конгресса:

Кризис в Персидском заливе, каким бы серьезным он ни был, также открывает перед нами редкую возможность для достижения сотрудничества, равного которому не знала история. Плодом нынешних смутных времен... может стать новый мировой порядок, новая эра — более свободная от угрозы терроризма, более уверенно стремящаяся к справедливости, более безопасная вследствие общего стремления к миру. Это эпоха, в которой народы мира, Восток и Запад, Север и Юг, будут процветать и жить в гармонии. Сотни поколений тщетно искали этот неуловимый путь к миру, а в мире между тем бушевали тысячи войн. Сегодня этот новый мир изо всех сил пытается родиться — мир, совершенно отличный от того, который мы знали. Мир, где главенство закона торжествует над правом сильного в джунглях. Мир, где государства признают общую ответственность за сохранение свободы и справедливости. Мир, где сильные уважают права слабых.

Этим видением нового мира я поделился в Хельсинки с президентом СССР Михаилом Горбачевым. Он и другие лидеры из Европы, стран Персидского залива и всего мира понимают: наши действия в отношении текущего кризиса сегодня способны сформировать будущее для новых поколений².

Ныне, примерно двадцать пять лет спустя, очевидно, что никакой «доброкачественный» новый мировой порядок так и не возник. Ситуация во многих регионах мира, как и в пространстве международных отношений, больше напоминает новый мировой беспорядок. Существой в действительности публичная компания «Мировой порядок, инк.», она бы, конечно, не обанкротилась, но цена на ее акции заметно бы скорректировалась, потеряв минимум 10 процентов от бывшего значения. Не исключено, что миром даже завладеют «медведи»*, появление которых обычно влечет падение на 20 процентов от первоначальной стоимости. Хуже того, ралли на повышение не предвидится — напротив, общая тенденция указывает на дальнейшее нарастание беспорядка.

Это вовсе не означает, будто я не нахожу каких бы то ни было примеров стабильности и прогресса в мире; безусловно, они имеются — в частности, отсутствие прямых конфликтов между великими державами, некоторая степень международного сотрудничества в решении ряда проблем, проистекающих из глобализации, и тесное взаимодействие правительств и институтов применительно ко многим аспектам международной экономической политики. Налицо также тот факт, что сегодня больше людей, чем когда-либо в истории, проживают более долгую и здоровую жизнь, что сотни миллионов мужчин, женщин и детей освободились от крайней нищеты, а значительное число людей наслаждается тем, что можно назвать жизнью среднего класса (опять-таки, их больше, чем когда-либо в истории). В самом деле, находятся авторы, уверяющие, что мы живем лучше, чем кажется, если внимать апологетам фатума и уныния. Или, перефразируя старую шутку о том, что музыка Вагнера лучше, чем она звучит, мир лучше, чем он выглядит³.

* Игроки рынка ценных бумаг, чья стратегия предусматривает понижение курса акций.

Это оптимистическое мировоззрение представляется весьма привлекательным, однако оно ничем не подкреплено. Напротив, будет трудно обосновать утверждение, будто события после окончания холодной войны и поражения Ирака ознаменовали исторический поворот к лучшему. Неудачная попытка Саддама Хусейна использовать военную силу для достижения внешнеполитических целей оказалась не более чем случайным успехом международного сообщества. Сегодня, оглядываясь на четверть века назад, можно сказать, что этот вызов, брошенный международному статус-кво иракским диктатором, больше походил на предвестника грядущих неприятностей, а не на зарю нового, более стабильного мира. Действительно, будет наивно и даже опасно игнорировать тревожные события и тенденции в современном мире, в том числе усиление соперничества между несколькими ведущими державами текущей эпохи, нарастание разрыва между глобальными задачами и их решениями, конфликтный потенциал ряда регионов и политические проблемы и потрясения во многих странах, включая сами Соединенные Штаты Америки; все это, вероятно, затрудняет разработку и проведение такой внешней политики, которая способна помочь миру справиться со всеми угрозами мировому порядку.

Что касается названия этой книги, хочу отметить, прежде чем двигаться дальше, что слово «беспорядок» было выбрано осознанно. Я, что называется, перерыл множество словарей и тезаурусов, но не мог подобрать другое слово или термин, которые бы лучше передавали мои ощущения. Именно по данной причине я отверг такие варианты, как «анархия» и «хаос». Ни один из упомянутых вариантов не характеризует нынешнюю ситуацию в мире корректно, хотя, как будет показано ниже, происходящее на Ближнем Востоке слишком важно, чтобы закрывать на это глаза. С учетом сказанного, рассуждать о возникнове-

нии нового мирового порядка — значит предаваться бесплодным фантазиям. Зато слово «беспорядок» отлично характеризует как положение, в котором мы находимся сейчас, так и потенциальное будущее мира.

Вопросы, вытекающие из этой оценки, многочисленны и важны. Почему и как это произошло? Как мир проделал путь от того мгновения оптимизма до сегодняшнего дня? Была ли подобная эволюция неизбежной или все могло обернуться иначе? И где именно мы находимся теперь? Как нам следует воспринимать сегодняшний мир — как последнюю на данный момент главу в долгом марше истории или как нечто принципиально иное? Конечно, многое тревожит, многое откровенно пугает, но насколько все плохо на самом деле? Может ли стать еще хуже? Разумеется, встает и вопрос о том, что было бы можно — и нужно было бы — сделать, чтобы изменить хоть что-то.

Цель этой книги состоит в ответах на перечисленные и связанные с ними вопросы. Как часто бывало в моей карьере и бывает до сих пор, книга родилась спонтанно. Все началось с телефонного звонка в 2014 году: звонил Ричард Дирлав, бывший глава Ми-6 (службы внешней разведки Великобритании, сродни ЦРУ), впоследствии ректор Пемброк-колледжа в Кембриджском университете. Он поведал, что у них в университете проводятся циклы лекций, и спросил, не хотел бы я стать «ученым-практиком» в предстоящем учебном году. О всяком сопротивлении с моей стороны пришлось забыть, едва я услышал название будущей должности: «приглашенный профессор в области государственного управления и дипломатии». Звучало слишком хорошо и сулило слишком много возможностей, чтобы отказываться.

В апреле 2015 года я подготовил и прочитал три лекции, каждая из которых длилась около часа и дополнялась приблизительно тридцатью минутами вопросов и ответов.